

Василий Криптонов

**ДЕНЬ,
КОТОРЫЙ
НИКОГДА
НЕ ПРИДЁТ**

18+

Василий Криптонов

День, который никогда не придёт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69283003

SelfPub; 2023

Аннотация

В городе, находящемся на задворках Империи, при загадочных обстоятельствах убит наместник. Детектив Карлос Пиньоль приезжает, чтобы найти убийцу и предать его в руки правосудия. Однако город странно встречает Карлоса. Здесь творятся необъяснимые с точки зрения здравого смысла события, здесь живут странные люди. Не говоря уже о велианцах, исконных хозяевах этих мест. Чем же закончится схватка разума и иррационального начала вселенной?..

Содержание

1	6
2	9
3	15
4	17
5	23
6	28
7	36
8	44
9	52
10	56
11	60
12	63
13	64
14	67
15	71
16	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Василий Криптонов

День, который никогда не придёт

Судья (за сценой)

Каждый здесь – бунтарь.

Я всех бы вздернул без разбора.

Ты! Кто убийца командора?

Паскуала (за сценой)

Фуэнте Овехуна.

Судья (за сценой)

Тварь!

Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна»

Значит, будем в игры играть

Раз-два – выше ноги от земли!

Кто успел – тому помирать,

А кто остался – тот и дурачок.

Янка «Выше ноги от земли»

*If all you ever get from the summit is the count of the fall of
man*

Every call and cost made to your heart

You were in the kind of game that put the force in me

I was ever chasing fireflies

Damon Albarn «Fire Flies»

1

Я прибыл в Мозес утром. Поездка была ужасной. Терпеть не могу путешествия вообще, а тут ещё пришлось ехать одному, без Марии. Душный поезд с бесконечно пьющими работягами. Они ехали на заработки на алмазный карьер, там, говорят, постоянно не хватает рабочих рук. Трое суток в этом горячечном аду. Голова гудела так, будто я сам пил эти три дня.

На вокзале меня встретил один из людей Дребена, нового мэра, или, как тут говорят, наместника. Стоял и держал табличку «Пинол». Хорошо, что я привык разгадывать загадки, иначе прошёл бы мимо. Сделал себе в голове заметку – поговорить с Дребеном на тему грамотности служащих. То, что Мозес далеко от цивилизации, ещё не повод дичать.

В Мозесе с утра стояла жара. Ехали в автомобиле без верха, однако это не спасало. Горячий ветер бил в лицо.

– Мы проедем мимо карьера? – крикнул я на ухо парню, сидевшему за рулём. Он представился как Кимми.

Кимми мотнул головой. Спустя минуту счёл нужным пояснить:

– Карьер далеко, и туда просто так не подъехать. Охраняют.

– Что, даже от помощника мэра?

– Мне сказали привезти вас к мистеру Дребену. Я везу.

– Молодец. – Я хлопнул его по плечу.

Кажется, Кимми это понравилось. Он достал пачку сигарет без фильтра, предложил мне. Я отказался.

– А деревня велианцев? – спросил я.

Кимми снова напрягся, вцепился в руль.

– Деревня – в другую сторону, – сказал он. – Там ничего интересного. Мистер Дребен сказал...

– Ясно, ясно, – отмахнулся я. – Привезти к нему. Вот ты и везёшь. Много рабочих едет на карьер, а?

– Не только на карьер, – мотнул головой парень. – Хотят строить ответвление от железной дороги. Чтобы везти руду прямо от карьера. Будет много работы.

– Руду же вроде здесь обогащают?

– Пока да. Но чистые алмазы часто крадут. Путь длинный, подонков много. Всем хочется разбогатеть. Выгоднее вывезти руду в те края, где есть закон.

– Закон есть везде, – сказал я. – И он везде одинаков.

– Как скажете, мистер Пиньоль.

Произносил он правильно. Значит, проблема действительно с грамотностью.

Кимми высадил меня возле ратуши и укатил, сказав, что должен ещё купить сэндвич для заместника. Я остался один в чужом городе. Сейчас он был почти пуст. Все мужчины трудились в карьере, женщины, видимо, хлопотали по хозяйству.

Сбоку от ратуши я обнаружил площадь с виселицами. В

петлях болтались три высохших трупa. Они практически почернели, но всё же по еле заметному отблеску кожи я сделал вывод, что висят велианцы.

– Это что? – спросил я сморщенного старика, сидящего под тентом неподалёку.

Он тоже блестел на солнце и тоже казался мёртвым. Но, заслышав мой голос, поднял голову. Потом лениво повернул её, оглядел повешенных.

– Тыквы, – сказал он.

– Что? – нахмурился я. – Ты говоришь по...

– Тыквы-горлянки, – уверенно сказал старик.

– За что их повесили?

Старик ухмыльнулся, продемонстрировав чёрные зубы:

– Если хозяин сушит тыкву-горлянку, значит, ему нужно.

Он был не то пьян, не то безумен, не то и то и другое вместе. Потеряв интерес к разговору, я подхватил чемодан и пошёл в ратушу.

Внутри меня встретил полумрак. Я остановился у порога, ожидая, пока глаза привыкнут после яркого света снаружи. Вдруг послышался голос:

– Что угодно господину?

Я закрыл глаза, надавил на веки. Когда вновь открыл, смог различить силуэт стройной миловидной женщины в длинном, до пола, платье. Она стояла у подножия лестницы. В темноте было отчётливо видно, как фосфоресцирует её кожа. Лёгким призрачным светом. Тёмные волосы, заплетённые в косу. Возраст я бы определить затруднился. Лет двадцать пять? Тридцать?

– Вы прислуживаете? – спросил я.

Женщина наклонила голову. Она стояла как изваяние. Как один из тех роботов, которых мы с Марией однажды, ещё будучи студентами, видели на ярмарке. Эти движущиеся манекены, которые пугали до чёртиков.

– Передайте господину Дребену, что приехал Карлос Пиньоль. Я подожду здесь.

Я поставил чемодан на пол, сам повесил плащ на вешалку и сверху нацепил шляпу. Когда повернулся, женщины уже не было – должно быть, ушла наверх. Не слышно было ни шагов, ни скрипа ступенек. Сверху не доносилось ни звука.

Когда же я прошёлся по дощатому полу, доски буквально-

но завизжали под ногами. Нашёл уборную. Открыл краны. Тонкая струйка тёплой воды. С минуту подождав, я понял, что холодной она не станет. Наклонился и вымыл лицо. Видимо, о душе здесь не стоит и мечтать. Безумие. Безумный мир, безумная командировка. Поскорее бы закончить здесь и вернуться домой, к Марии. Надо бы, кстати, ей написать. Как только определюсь с обратным адресом.

Я прошёл в зал, который начинался справа от двери, сел за стол. Интересно, что тут обычно происходит? Совещания? Званные обеды?

Наконец, послышались шаги. По отчаянно скрипящим ступенькам сбежал крепкий чернобородый мужчина. Рукава белой рубашки были закатаны, открывая взгляду могучие руки. Судя по бешеному выражению лица, он готов был схватить меня этими руками и разорвать на две половинки. Я на всякий случай положил руку на кобуру.

– Кто вы, чёрт подери, такой? – рявкнул мужчина, остановившись.

– Детектив Карлос Пиньоль, сэр, – сказал я, встав. – Полагаю, вы – господин Арнольд Дребен, мэр Мозеса?

– Какой, к чёрту, мэр! – проворчал мужчина, впрочем, уже без угрозы. – Это не город, а проклятие. Я – наместник.

– Есть принципиальная разница?

Дребен подошёл к шкафчику, достал бутылку виски, расплескал по бокалам.

– Льда нет, – сказал он. – Ни черта нет. За встречу, Пи-

НЬОЛЬ.

Я взял бокал и отдал дань уважения напитку, который не заслуживал таких усилий с моей стороны.

– Разница, – прорычал Дребен, осушив свой бокал, – дьявольская. Мэр управляет городом. А наместник напоминает местному сброду, что они теперь принадлежат Империи. Местные далеко не всегда при этом ходят на ушах от радости. За каким чёртом ты приволокся в эту клоаку, Пиньоль?

Я протянул Дребену свой командировочный лист, но тот лишь скользнул по нему взглядом.

– Вашего предшественника убили при загадочных обстоятельствах.

Дребен хохотнул:

– Загадочные обстоятельства! Дьявол, да! Местные это умеют. Не стоит беспокоиться, Пиньоль. Я уже со всем разобрался.

Он кивнул куда-то в сторону, и я вспомнил о троих повешенных.

– Нашли убийц?

– Что, в это так чертовски сложно поверить?

– В таком случае я бы хотел ознакомиться с отчётами.

– С какими, к дьяволу, отчётами?!

– Протоколы допросов, показания свидетелей, улики.

Дребен, до сих пор державший бокал в руке, вдруг с силой долбанул им по столу.

– Послушай, Пиньоль, ты какого чёрта себе думаешь, я тут

в игрушки играю?! Лучше бы тебе бросить свои городские замашки. Здесь такое дерьмо не работает. Тут тебе не законопослушные дети из каменных кварталов. Местные животные понятия не имеют, что такое закон и за каким дьяволом его соблюдать. И вбить это в их безмозглые бошки невозможно. Будь моя воля, я бы вздёрнул их всех до единого.

– И тем не менее, вы взяли себе служанку из местных.

– Ты о чём, чёрт тебя задери?

– О девушке, которая меня встретила.

– Ты перегрелся, Пиньоль, и я напрасно потратил на тебя выпивку. Я один в этой крысиной норе. И если бы кто-то из местных перешагнул порог, он прожил бы ровно столько, сколько мне бы потребовалось, чтобы выволочь его наружу и пристрелить. Они это знают и чёрта с два сунутся. Говорю, ты приехал зря. Мозес сам решает свои проблемы.

Я постарался не подать виду, но по коже пробежали мурашки. Странная, почти неподвижная женщина в полумраке. Беззвучно исчезнувшая.

– Иными словами, бумаг нет, – сказал я. – Следствия не было. Вы просто вздёрнули троих попавшихся под руку.

– Проклятье, Пиньоль! Какая разница? Один ублюдок стоит другого. Мы согнали их на площадь и объяснили, что белый человек не любит, когда в него кидаются дерьмом. Мы показали им, что один белый стóит троих ублюдков. Если им захочется продолжать размен, ставки будут расти.

Дребен сверлил меня злыми покрасневшими глазами. Я

щёлкнул пальцем по своему бокалу, и остатки виски плеснули в нём.

– Я здесь от лица Империи...

– Как и я, чёрт!

– Вы отвечаете за город. Я отвечаю за расследование убийства.

– Пиньоль, чёрт побери, ты что, серьёзно будешь копаться в этом...

– Вы, полагаю, наводили обо мне справки?

Дребен молча сопел, глядя на меня.

– Я всегда нахожу виновного, Дребен. – Я встал со стула. – Всегда. Именно поэтому я здесь. Империя заинтересована в том, чтобы интегрируемые меньшинства знали: закон един для всех. О вашем самоуправстве я упомяну в отчёте. Сейчас же мне нужно жилище и сон. А утром я хочу осмотреть тело.

– Какое ещё, к дьяволу, тело?! – выпучил глаза Дребен.

– Тело Бернарда Роуха, бывшего наместника.

– Да вы, к чертям, рехнулись! – Мне понравился переход на «вы». – Как, по-вашему, оно могло сохраниться в такую дьявольскую жару целую неделю?

– Где тело, Дребен?

– В земле, чёрт! Здесь падаль надо закапывать как можно скорее.

– Там ведь прохладнее, чем здесь, верно?

– Где?!

– В земле.

Он молча смотрел на меня. Потом вдруг протянул руку.

– Я скажу, чтобы к шести утра парни с лопатами были готовы. Добро пожаловать в Мозес, господин Пиньоль.

Мария!

Пишу тебе из Мозеса. Добрался благополучно, уже очень скучаю. Здесь чертовски жарко... Я уже заразился от местного мэра манерой разговаривать.

Телефон есть только на почте, у мэра и у шерифа. Я звонил тебе, но ты не взяла трубку. Должно быть, вышла в магазин. Пишу в отделении почты, поэтому прости за короткое письмо. Я всё же очень устал.

Я буду жить в доме велианцев. Женищина и сын, парню лет десять на вид, он отлично болтает по-нашему. Вещи я оставил там. Муж этой женищины погиб в карьере год назад. Не представляю, чем она зарабатывает на жизнь, но в доме постоянно ходят какие-то люди.

Впечатление от города: сонное место. Впрочем, это днём, когда большая часть населения на выработке. Говорят, вечером становится поживее. А открыток с видами тут нет. Но я думаю, найду кого-нибудь с фотоаппаратом, чтобы сделать для тебя снимки.

Подробностями расследования утомлять тебя не стану, знаю, что ты это ненавидишь. Скажу лишь, что мэр перешёл все мыслимые границы в своём самоуправстве. Он воспринимает велианцев, как единое живое существо. Если это существо проитрафилось – его нужно наказать. Так

раньше секли воров. Они крали руками, но кнут гулял по их спинам. Возможно, такое отношение кажется нормальным здесь, но для Империи оно неприемлемо. Не думаю, что мы с мэром останемся друзьями. Полагаю, после того, как я закончу работу, он в лучшем случае слетит с должности. В худшем... Впрочем, это не мне решать.

Пришёл фургон забирать почту, тороплюсь закончить. Люблю тебя и целую нежно. Надеюсь разобраться с этим делом быстро и вернуться к тебе.

Твой Карлос.

Утром за мной заехал Кимми. Похоже, у Дребена туговато с кадрами, и он великодушно ссудил мне своего помощника. Я не счёл нужным ни возражать, ни благодарить за оказанную честь. Как только с улицы донёсся мелодичный сигнал клаксона, я собрал своё добро в чемодан, запер его и положил ключ в карман пиджака. Надел шляпу и вышел из своей комнаты.

В прихожей встретился мальчишка-велианец. Не помню его имени. Со вчерашнего дня не сводит с меня глаз.

– Доброе утро, сэр! – Говорит он довольно чисто. – Мама развешивает бельё на заднем дворе. Сделать вам кофе?

Сами велианцы кофе не пьют, считают горьким, но уверены в том, что имперцы поглощают его на завтрак, обед и ужин.

– Нет, – сказал я. – Уже ухожу.

– Но вы же вернётесь? – Мальчишка шёл передо мной задом наперёд.

– Мой чемодан здесь – значит, вернусь.

По лицу ребёнка скользнула тень непонимания.

– Чемодан повелевает вами? – Кажется, мы подобрались к границам его владения языком.

– Мной повелевает Император. – Мальчишка стукнулся спиной в дверь и остановился, хлопая глазами. Я помахал

рукой. — Ты позволишь?

— Конечно, сэр.

Я вышел на улицу, сел в машину рядом с Кимми.

— Что это у тебя?

Под ногами перекатывались стеклянные банки с крышками.

— Это моего мелкого, — сказал Кимми, выезжая на дорогу. — Ночью катались ловить светлячков.

— Неудачно?

— По крайней мере, он уснул.

Я долго обдумывал услышанное, потом выбросил из головы. Все здесь были какие-то странные, но что мне за дело? Моя задача — вычислить убийцу, справить все бумаги и вернуться к Марии.

Расследование всегда начинается с осмотра места преступления. Иначе это то же самое, что гадать на кофейной гуще. Я не спорю, что иногда кофейная гуща может принять форму сердца, и через пару дней ты встретишь любовь всей своей жизни, однако считать это правилом, действующим безотказно, нельзя. Как и успешное расследование без осмотра места преступления. Девяносто процентов информации обнаруживается там.

Дребен лишил меня возможности осмотреть место преступления, заняв кабинет, однако тело жертвы я увидеть просто обязан. Пусть даже там и не будет ничего полезного. Полезным будет показать местным, что я настроен серьёзно

и не останавлиюсь ни перед чем.

Кладбище было молодым и огромным. В пользу первого эпитета говорили покрашенные свежей краской деревянные кресты, лишь самые дальние успели выцвести. В пользу второго – очевидные признаки.

– Велианцев хоронят здесь же? – спросил я.

– Велианцы со своими разбираются сами, – сказал Кимми и дёрнул ручной тормоз.

Дребен уже был здесь. Ребята с лопатами – велианцы – тоже.

– Чертовщина это, Пиньоль, – сказал Дребен, обменявшись со мной рукопожатием. – Грешно тревожить мертвецов.

– Вы что-то пытаетесь скрыть?

– Иди ты к дьяволу! Можешь хоть всё кладбище вырыть, мне плевать. Если это ублажит Императора.

Я кивнул велианцам:

– Приступайте.

Они не шелохнулись. Смотрели на меня с совершенно пустыми лицами.

– Только недавно из деревни, чёрт их задери, – сплюнул Дребен. – Не понимают человеческого языка. Эй! Йо хора сиу!

Все как один вонзили лопаты в землю. Я вспомнил свои слова из вчерашнего письма к Марии, о том, что Дребен воспринимает велианцев как единый живой организм. Пожа-

луй, они правда могли произвести такое впечатление.

Работа двигалась споро. Лопаты застучали о крышку уже через десяток минут. Велианцы засуетились, скинули в могилу верёвки, вылезли наружу и взялись за концы. Ещё минута – и гроб стоит возле ямы.

– Вскрываюте, – сказал я.

– Здесь? – переспросил Дребен.

– Да, здесь. Я бы хотел как минимум убедиться, что тело внутри.

– О, это было бы не лишним, – странно усмехнулся Дребен. – Йо карси ор!

И снова велианцы не колебались. Двое вонзили лопаты в щель под крышкой, остальные навалились сверху. С жутким потусторонним стоном гвозди покинули свои места.

– Какого чёрта?! – выкрикнул я, кажется, в один голос с Дребеном.

Сначала мне показалось, что гроб заполнен землёй. Потом я понял, что «земля» шевелится. А когда она хлынула в разные стороны, стало ясно, что это – множество чёрных жуков. Круглые, размером с монету, выпущенную в честь недавнего юбилея Императора, они удирали из гроба в разные стороны, издавая шелестящие звуки своими хитиновыми надкрылышками.

Все опешили. Кроме, наверное, велианцев. Те спокойно стояли, позволяя жукам бежать по их голым ногам.

Я очнулся первым. Бросился бежать к стоящей на обочи-

не машине. Схватил банку, побежал обратно, на ходу скручивая крышку.

К тому времени как я достиг могилы, почти все жуки исчезли. Лишь последний ручеёк, шелестя, утекал за ближайший крест. Я бросился к ним и поймал банкой одного. Тут же ловко перевернул банку, и жук упал на доньшко на спину. Я закрутил крышку.

– И на кой чёрт он вам? – спросил Дребен.

– Разберусь, что это за тварь, и попытаюсь понять, как она оказалась в могиле.

Я поднялся с колен, отряхнул брюки и подошёл к гробу.

Что ж, я думал, что готов увидеть там всё. Но не такое.

В гробу лежал дочиста обглоданный скелет. Он таращился на меня пустыми глазницами и, казалось, издевательски улыбался.

– Как, говорите, его убили? – спросил я.

– Удар ножом в сердце, – усмехнулся Дребен. – Между рёбрами. Сделаете вскрытие, господин Пиньоль?

Присев на корточки, я осмотрел скелет. Уделил внимание рёбрам с левой стороны. Ни царапины. Сработали ювелирно. А всё остальное сожрали жуки.

– Зарывайте, – сказал я, поднявшись. – Йо хора сиу на оборот.

– Что ж, чёрт побери, большое спасибо, что так великодушно потратили наше время, – съязвил Дребен и тут же забыл о моём существовании.

Пока он орал на велианцев, я отошёл в сторону, глядя на сидящего в банке жука. Он не носился. Быстро понял, что бежать некуда. Теперь он именно сидел на задних лапках, передние подняв. Тело его составляло угол градусов сорок пять к горизонту. Казалось, жук молится.

Я машинально посмотрел туда, куда были направлены его лапки и увидел там, за последним рядом крестов, фигуру человека. Как давно он там стоял?

Это был, должно быть, велианец. Смуглый, но такой старый, что сияния кожи практически не было заметно. Ветер трепал седые волосы и бороду, колыхал просторную накидку. Назвать местное национальное тряпье одеждой не получалось. Это был просто длинный прямоугольный кусок материи с дыркой для головы посередине. Его перетягивали верёвками, так и ходили.

Старик почувствовал мой взгляд и отвернулся.

Я моргнул. Старика не было.

После кладбища я отправился в заведение, которое здесь было одновременно и столовой, и кафешкой, и баром. Над дверью вывеска: «У Марни». В ранний час посетителей не было, я едва дозвался заспанного мужика. Не то хозяина, не то официанта, не то бродягу, который зашёл с улицы и улёгся подремать. Спросил кофе и яичницу с сосисками.

Еда оказалась на вкус как резина, а за паршивый кофе с меня содрали столько, что я заволновался, нет ли в чашке алмазов.

Банку с жуком я поставил на стол, перед собой положил блокнот и стал делать заметки. Полезно выгрузить информацию из головы, посмотреть на свои мысли непредвзятым взглядом.

– Детектив Карлос Пиньоль? – услышал я голос.

Поднял голову, увидел запылённого мужчину с длинными острыми усами на усталом лице. На куртке была нашита звезда, на шее болтался выцветший красный платок.

– Верно, – сказал я.

Он протянул руку:

– Крейбенст Франс. Шериф.

Я встал и пожал пыльную руку. Не дожидаясь приглашения, Крейбенст сел и положил шляпу на мой столик, от неё поднялось облачко пыли и улеглось на остатки несъедобной

пищи.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил я, вернувшись на своё место и закрыв блокнот.

– Это я надеюсь быть вам полезным, – сказал Крейбенст. – Бернард – убитый наместник – брат моей жены. Такая история. А этот Дребен... – Он покачал головой.

– Так вы были близки? – спросил я.

– Нет! – поморщился Крейбенст. – Они не сказать чтобы сильно ладили. Но это одно. А когда убивают брата – другое. Понимаете?

– Ещё бы. – Я пригубил кофе. – Вы осматривали место преступления?

– Кому бы ещё его осматривать, как не мне. Если зайдёте в участок, я покажу фотографии. На них мало что интересного. Кровь, кровь, кровь... Мёртвое тело в середине.

– Орудие убийства?

– Нет.

– Какие-нибудь следы?

– Ничего, детектив Пиньоль.

– Зовите меня Карлос.

– Тогда я для вас – просто Крейбенст. Крей. Ровным счётом ничего интересного, Карлос. Ни одного следа. Как будто убийца прилетел на крыльях и на них же улетел. Если бы не одно «но». – Крейбенст выдержал паузу, я терпеливо ждал. – Окно и дверь были закрыты. Дверь заперта изнутри. Такая история.

– Печная труба? – предположил я.

– Нет там печной трубы. Вентиляционная решётка нетро-
нута, да через неё и младенец не пролез бы. Мы тут не зря
едим свой хлеб, знаешь ли.

– Ладно. Зайдём с другого бока. Кто мог желать смерти
Бернарду?

Шериф развёл руками. Я усмехнулся:

– Что? Как всегда – «его все любили»?

– Нет! – Крейбенст даже рассмеялся. – Боже, нет. Никто
его не любил. Он был именно тем правителем, какой и нужен
людям: бледной тенью, посредственностью. Ни намёка на ха-
рактер. Просто крючкотвор. За порядком слежу я, а Бернард
собирал налоги и жалобы. И то и другое передавал выше.
Получал инструкции и исполнял их. Такая история.

Тут Крейбенст обратил внимание на банку с жуком.

– А это что такое?

Я коротко описал произошедшее на кладбище. Лицо
Крейбенста не дрогнуло. Он покивал, потом заговорил:

– Понимаю, с непривычки это немного удивляет.

– Немного? – воскликнул я.

– Да... Понимаешь, Карлос, там, на севере, вы ведь ни
черта не знаете. Вы думаете, что ваелианцы – это такие дика-
ри. Обычные люди, которым не повезло получить образова-
ние и научиться пользоваться туалетной бумагой. Ведь так?
Да знаю, что так. Но слушай внимательно: они не люди. Яс-
но? Запомнишь эту мысль – сэкономишь себе кучу нервов и

сил. Ваелианцы – не люди.

– Кто же они тогда? Животные? – усмехнулся я.

– Насекомые. – Крейбенст щёлкнул ногтем по банке. – А если серьёзно – здесь творится всякое, Карлос. И жуки в гробу – это даже не начало. Знаешь, кто мне сказал, что ты сидишь здесь?

– Дребен? – предположил я.

– Бернард. Подошёл ко мне возле участка и говорит: «Эй, Крей! Если хочешь поболтать с приезжим следователем – самое время. Он через минуту будет «У Марни». Вот такая вот история.

Я молча смотрел на Крейбенста, ожидая, когда тот рассмеётся. Он не смеялся.

– Привыкаешь к этому дерьму. И всё это идёт от ваелианцев.

Я откашлялся:

– А ты не спросил у Бернарда, кто его убил?

– Ну что ты. Это было бы бестактно, не находишь?

– У меня большие пробелы в этикете.

Крейбенст вздохнул:

– Он просто исчез, Карлос. Просто исчез, когда я моргнул. Призрак, видение, галлюцинация – не знаю. Но когда я пришёл сюда – ты сидел здесь. – Крейбенст ткнул пальцем в столешницу. – Такая история.

Я чуть было не скорчил презрительную мину. Однако вовремя вспомнил про женщину, поприветствовавшую меня в

ратуше.

Но в конце концов, что это всё доказывает? Только то, что меня зачем-то дусят.

– Зайдёшь посмотреть снимки? – спросил Крейбенст.

– Конечно, – сказал я и допил кофе. – Вопрос. Найдётся в городе специалист по насекомым?

Крейбенст взял шляпу со стола.

– Если только у тебя крепкий желудок.

Поднявшись на второй этаж, Крейбенст поднял шейный платок и закрыл им нос и рот. На мой вопросительный взгляд проворчал что-то невразумительное. Впрочем, я уже чувствовал специфический запах. Сладковатый, выдающий гниение.

Внезапно открылась одна из двух дверей, и на лестничную площадку выскочила женщина лет сорока в ветхом халате и таких же ветхих тапках на босу ногу. Её жидкие с проседью волосы прятались под сеткой, так что женщина на первый взгляд казалась лысой. Проигнорировав меня, она вцепилась взглядом в Крейбенста и закричала:

– Наконец-то! Вы собираетесь вышвырнуть его? Давно пора! Эта вонь сводит меня с ума, а его твари постоянно лезут ко мне в кухню!

– Какой ужас, – приглушенно отозвался Крейбенст. – Мы разберёмся с этим, миссис Лассард. Как видите, со мной приехал специалист по выселению, с севера, из столицы. Познакомьтесь с господином Пиньодем.

Женщина окатила яростным взглядом и меня. Схватила мою руку, затрясла её. В её хватке чувствовалось что-то лихорадочное, болезненное.

– Надеюсь на вас, господин Пиньоде! Уповаю на вас!

Сказав так, она скрылась у себя в квартире. Дверь хлоп-

нула так, что покачнулась лампа, висящая на проводе у нас над головами.

Крейбенст пожал плечами, буркнул: «Такая история...» — и постучал в соседнюю дверь.

— Вообще-то я не из столицы.

— Ты и не специалист по выселению, — заметил Крейбенст.

— Бог миловал.

Послышались осторожные шаги, как будто кто-то крадёт-ся к двери на цыпочках. Я сместился в сторону, положил руку на кобуру. Заметив мой жест Крейбенст сказал:

— Это не нужно.

Тому, кто пытается скрываться, как правило, есть что скрывать. А тот, кому есть что скрывать, может начать палить через дверь. Мне платят не за то, чтобы я подышал в самом начале расследования. Да и кто позаботится о Марии, если меня не станет?

— Кто там? — спросил высокий ломающийся голос, почти фальцет, так что у меня сложилось впечатление, что за дверью — очередная неуравновешенная дама.

— Шериф, — откликнулся Крейбенст.

— Я не вызывал полицию!

— Хватит валять дурака, Антонио. Впусти нас, нужно поговорить.

Ответа не было, но через пару секунд щёлкнула задвижка, и дверь со скрипом открылась. Мне в лицо ударила волна смрада. Глаза заслезились, к горлу подкатила тошнота, и я

возблагодарил бога за то, что не успел толком поесть.

Человек, стоявший на пороге этого смердящего ада, выглядел соответствующим образом. Растянутые непонятного цвета штаны на подтяжках. Заляпанная жирными пятнами майка. Тонкие бледные руки напоминали макароны. Вместо очков на нём был какой-то странный прибор, который я не сразу распознал. Потом вспомнил: такую штуку дают в кабинете окулиста. В ней ещё меняют линзы, чтобы определить остроту зрения. Казалось, что на нас с Крейбенстом тарашится робот. Лысый вонючий неопрятный робот, на плече которого сидела саранча.

– Что ж, заходите, – сказал робот.

Я бы предпочёл поговорить на пороге, но тут сзади послышался шорох. Такой, как если бы кто-то изо всех сил прижился ухом к двери в надежде подслушать разговор на лестничной площадке. Не хотелось бы превращать разговор в перепалку.

– Спасибо, – сказал я и смело шагнул в ад.

– Не так быстро, мистер! – Робот вытянул вперёд руку, как будто всерьёз думал остановить меня этой макарониной. – Здесь есть правила. Надеть эти тапки. Ноги не поднимать. Смотрите, прежде чем сесть.

– Не поднимать ноги? – переспросил я, думая, что мне послышалось.

– Да, Карлос, такая история, – вздохнул Крейбенст, расшнуровывая ботинки. – Придётся шаркать, как старикам.

Здесь повсюду что-то ползает, и не приведи Господь это что-то раздавить.

Я уже видел, что квартира кишит насекомыми. Лучшее, что можно было сделать во имя человечества – выйти и вызвать дезинсектора. А потом – бригаду уборщиков. Но я безропотно снял ботинки и надел тапки.

Мы прошли, шаркая, вслед за хозяином на кухню. Вдоль стен тянулись стеллажи, на которых стояли клетки и аквариумы, в которых кипела жизнь. Мухи, москиты, тараканы всех размеров и мастей, жуки, кузнечики. Робот предупредил нас о дорожке муравьёв, идущей поперёк прохода, и мы, под его пристальным взглядом, перешагнули её.

В кухне были бабочки в аквариумах. Вонь в основном исходила отсюда – гниющие яблоки и бананы служили бабочкам пищей. Зато другая составляющая смрада сошла на нет – здесь почти не пахло гниющим мясом.

– Итак, господа, – сказал робот, когда мы все уселись за стол.

Стол был без скатерти. Выщербленный, в пятнах, о происхождении которых не хотелось догадываться. На столе стоял микроскоп и лежал недоеденный бутерброд с колбасой, на котором беззастенчиво пировали два таракана.

Крейбенст откашлялся, и из его платка вылетело облачко пыли, что вызвало у робота гримасу. Наверное, после нас ему придётся заниматься уборкой.

Я поспешно выставил свою банку на стол, и робот скло-

нился, чтобы рассмотреть её обитателя.

– К сожалению, – сказал он через секунду, выпрямившись, – вам не удалось меня удивить. Этот вид я сам открыл и представил описание в уважаемом энтомологическом журнале «ЖЖ».

– «ЖЖ»? – удивился Крейбенст.

– Так мы его называем между собой, – отмахнулся робот. – «Жизнь жуков». Как по мне – глупейшее название, но репутация перевешивает благозвучие. Ваш экземпляр – это *Scarabaeus Kouli*.

– Скарабей? – уцепился я за слово.

– Один из видов, н-да. Назван в мою честь. Мне посчастливилось, я уже вошёл в историю науки. Однажды мои портреты будут висеть в школах и институтах. В будущем году планирую заказать свою биографию.

– Это прекрасно, Антонио. – Крейбенст опустил платок лишь за тем, чтобы сунуть в рот мятую сигарету.

– Никакого дыма здесь! – взвизгнул робот. – Мои детки этого не любят! Если хочешь убивать себя – делай это там, где не заденет других, тех, кто ценит жизнь!

– Господи, – пробормотал Крейбенст и убрал сигарету в карман. Лицо он вновь закрыл платком.

– Расскажите мне об этом скарабее, – попросил я.

Робот перевёл взгляд на меня. Было жутко говорить с человеком, который носит на лице такую громадину.

– Рассказать? Я могу говорить о нём часами, но не в моих

привычках метать бисер перед свиньями. Что конкретно вас интересует?

– Чем они питаются, – сказал я.

– Мне казалось, об этом знают даже дети. Скарабей, он же жук-навозник, питается экскрементами млекопитающих.

Скудный завтрак вторично подкатил к горлу, но я сдержался.

– Экскрементами, – повторил я.

– Именно, сэр. Обитают в районе пастбищ, то есть, как правило, не отходят далеко от человеческого жилища, поэтому их весьма легко найти. Кусочки навоза они скатывают в шарики размером больше них самих и катят в укромное место. Чрезвычайно смышлённые твари, умнее многих людей. Самки откладывают яйца прямо в эти шарики...

– Это их единственная пища? – перебил я.

– Насколько *мне* известно – да, – сказал робот тоном короля, которого спросили, подчиняется ли ему фрейлина.

– А как насчёт мёртвой плоти?

Через прибор трудно было оценить взгляд, но интуиция подсказала, что робот смотрит на меня с презрительной жалостью.

– По-вашему, это одно и то же? Падаль и экскременты?

– Я просто задаю вопросы, потому что не знаю ответов.

– Если вас интересуют сифиды, могу предложить *Necrodes littoralis* или, к примеру, *Nicrophorus*.

– Сифиды? – Я чувствовал себя абсолютно беспомощ-

НЫМ.

– Мертвоеды, сэр. Объясните, чего вы хотите добиться от малыша, – робот указал на банку, – и я, возможно, сумею вам помочь.

– Я хочу понять, насколько свойственно этим скарабеем забираться в могилы людей и сжирать их за несколько дней подчистую.

Несколько секунд робот смотрел на меня, потом задрал голову и расхохотался.

– Уморительная фантазия! – сказал он, успокоившись; бережно стряхнул тараканов, взял бутерброд и откусил кусок. – Вы перечитали ужастиков, сэр. На такое, боюсь, не способны даже сильфиды.

– А если кто-то высыпал их в гроб? – настаивал я. – Огромное количество жуков. Они не могли выбраться, и у них не было другой пищи.

– Жуки-скарабеи не едят мяса не потому, что они убеждённые вегетарианцы, сэр. – В голосе робота стало отчётливо слышно раздражение. – Они не сумеют переварить плоть. И, полагаю, если бы они оказались в гробу – им было бы проще прогрызть себе путь на волю. Уж это они умеют.

Я вспомнил гроб. Он был совершенно целым. Жуки не пытались спастись – они целенаправленно пожирали Бернарда.

– Какая-то бессмыслица, – пробормотал я.

– Могу быть ещё чем-то полезен?

– Да... на всякий случай. Где, говорите, вы нашли этих жуков?

– Разумеется, рядом с деревней велианцев. Достаточно проследить за тем, куда они гоняют пастись скот.

Робот доел бутерброд и вытер пальцы о майку. Сложно сказать, кто от этого проиграл больше – пальцы или майка. Я почувствовал, что сыт по горло этим местом и этим человеком.

– Что ж, огромное спасибо за консультацию. – Я встал, потянулся к банке.

– Он вам нужен, этот малыш? – спросил робот.

Я на секунду задумался, потом кивнул:

– Пока это одна из немногих улик по делу.

– Жалко, сэр. Он выглядит таким несчастным. Я бы его подкормил.

Мы уже вышли на улицу, когда Крейбенст спросил в глубокой задумчивости:

– А чем он собирался кормить жука-навозника?

Мы переглянулись. Я сглотнул застрявший в горле ком и выругался.

– Да, зря я об этом подумал, – покался Крейбенст.

Участок располагался неподалёку от ратуши. Одноэтажное здание, где находились и местные камеры предварительного заключения.

– Бросаем сюда на день-другой для острастки, – сказал Крейбенст, положив на стол шляпу. – Если что серьёзное – отправляем в Империю.

– Вы – часть Империи, – заметил я и сел перед столом на скрипнувший рассохшийся стул.

Банку с жуком я держал на коленке, постукивая пальцами по крышке.

Дверь в коридор с решётками была открыта. Я видел руки, торчащие из одной из решёток. Кто-то стоял по ту сторону, высунув руки наружу, будто ему было в радость хотя бы частично находиться на свободе. Руки были синими от татуировок, разобрать которых я издали не мог. Но там были и надписи, и изображения. Руки висели неподвижно, кисти как плети. Будто человек отдыхал.

– Ну да, ну да, – проворчал Крейбенст и, усевшись за стол, принялся рыться в ящике стола. – Пока добываем алмазы – часть, конечно.

– Что ты хочешь сказать? – спросил я.

– Хочу сказать, что когда закончатся алмазы – про нас забудут. Никому в Империи не сдалась эта пустыня и выжива-

ющие здесь людишки.

– Насколько мне известно, кимберлитовые трубки вырабатываются десятилетиями, – блеснул я эрудицией.

– Какая разница, Карлос? Завтра, через десять лет, через сто... Чем больше пройдёт времени – тем хуже. Люди пускают корни. Люди привыкают. А когда всё закончится, они не будут нужны ни там, ни здесь. Такая, мать её, история... Вот снимки.

Он вытащил из конверта пачку фотографий и веером разложил их передо мной. Я склонился над столом, перебирал фотографии, держа их по бокам кончиками пальцев.

Качество было посредственное, но суть фотограф передал. Кровь. Повсюду кровь. И – мёртвый человек посередине.

– Снимков тела из морга нет? – спросил я.

– Чего нет, того нет, – вздохнул Крейбенст. – Будешь смеяться, но... плёнка закончилась. Можешь почитать протокол вскрытия.

– Благодарю.

Крейбенст явно был готов к моему визиту, он возлагал на меня большие надежды.

Итак, что мы имеем? Труп в запертой комнате. Одна рана. Никаких следов борьбы, ничего. Бернард был в рубашке и брюках, пиджак висел на спинке стула. Судя по всему, он работал с какими-то бумагами, когда убийца оказался рядом с ним.

– Он встал, – сказал я. – Встал со стула, обошёл его. Ещё не испуганный, не раненый. Услышал или увидел нечто, что его не испугало.

– Почему? – заинтересовался шериф, подавшись вперёд. Я постучал пальцем по снимку:

– На стуле нет следов крови, рядом с ним – тоже. Но это – мелочь.

– Кровь – мелочь?

– Представь, что сейчас в камере один из заключённых закричал так, будто его убивают. В общем, крикнул так, что ты испугался. Твои действия?

Крейбенст, закрихтев, отодвинулся от стола на стуле, принялся вставать.

– Не-е-ет, – остановил я его. – Хорошо, дурной пример. Представь, что услышал крик своей жены.

В этот раз Крейбенст вскочил резко, на ходу разворачиваясь, сделал шаг к коридору, хватаясь за револьвер.

– Вот! – воскликнул я. – Полюбуйся.

Крейбенст посмотрел на упавший стул.

– Либо так, либо он стоял бы под углом к столу, – сказал я. – А тут всё выглядит так, будто он спокойно отодвинулся от стола и встал. Обошёл стул. Значит, либо просто решил размять ноги, либо...

– ...в кабинете кто-то был, – сказал Крейбенст. – Кто-то, о ком Бернард знал.

– В кабинете *наверняка* кто-то был, – уточнил я. – По-

скольку Бернарда кто-то убил. И теперь мы понимаем, как этот человек туда попал – вместе с Бернардом. Остаётся узнать, как он оттуда выбрался, но для этого, полагаю, мне придётся осмотреть место преступления лично.

Руки в коридоре поднялись и беззвучно заплодировали. Мне? Или каким-то своим мыслям? Я отвёл взгляд и сосредоточился на Крейбенсте, который вернулся на стул.

– Это легко устроить, – сказал он. – Дребен сейчас наверняка на обеде, так что мы можем заглянуть в ратушу, не ставя в известность этого сукиного сына.

– А ты его не очень любишь, – усмехнулся я.

– Карлос, я – шериф в этой дыре. Я, как и ты, как и любая другая полицейская ищейка, частенько могу пренебречь своим долгом, когда речь идёт о ерунде. Но когда речь идёт об убийстве, когда к тебе приходит родственник убитого и просит...

Руки поднялись и скрылись за решёткой, как будто узник прижал их к лицу. Заплакал? Закрыл глаза?

– Никогда не понимал, – ворчал Крейбенст, – как люди работают, если за спиной вся чёртова комната? Мне нужна стена за спиной, иначе никак.

– Что? – дёрнулся я. Мне показалось, будто я уснул на минуту и потерял нить разговора.

– Говорю, если хочешь осмотреть кабинет Бернарда – идти нужно сейчас. Пока Дребен на обеде, – сказал Крейбенст, тяжело поднимаясь. – Такая история...

Я тоже встал. Почувствовав азарт расследования, я был готов работать хоть сутки напролёт, забывая о еде и сне. А сейчас я чувствовал, что напал на след. Пусть пока нет ничего конкретного, но интуиция говорила, что я нечто уцепил.

Интуиции я привык доверять. Ещё в институте мне попала статья одного немецкого психолога, который утверждал, что в голове у каждого помимо сознания есть ещё нечто вроде мрачного подвала, куда сбрасывается всё, что мы когда-либо видели и слышали. Там, в этом подвале, во тьме постоянно кипит работа. И именно оттуда доносится иногда тонкий голосок интуиции.

Пусть я не могу легко спуститься в подвал, но причин не доверять голосу у меня нет. Тот, кто сидит там, знает гораздо, гораздо больше, чем я.

– Воды? – предложил вдруг Крейбенст.

Он достал из шкафчика в столе флягу. Под моим недоумённым взглядом выдернул пробку. Звякнули два стакана.

– Интересная фляга, – заметил я.

Она правда не походила ни на одну из тех, что я видел. Необычной формы, несимметричная...

– Тыква-горлянка, – сказал Крейбенст. – Покупают у местных. Они их как-то вычищают, потом покрывают изнутри воском... Вода долго не портится, фляга лёгкая и довольно прочная. Такая история.

Если хозяин сушит тыкву-горлянку, значит, ему нужно.
К горлу подкатил комок. Я посмотрел на подвинутый ко

мне стакан и мотнул головой.

– Уверен? – спросил Крейбенст. День жаркий. А в городе за стакан воды слупят состояние.

– Что за проблемы с водой? – хрипло спросил я и откашлялся. Казалось, что в горле скрипит песок.

– Предприятие берёт львиную долю воды, – сказал Крейбенст и мелкими глотками выпил свой стакан. – Поставили на реке дамбу, сделали запруду. Всё для обогатительной фабрики. Днём почти перекрывают по всему городу, дают вечером, на час. Налог сумасшедший – такая история...

– А заключённых вы поите? – спросил я, кивнув в сторону коридора, туда, где не так давно из решётки торчали татуированные руки.

Крейбенст рассмеялся:

– Знаю, о чём ты подумал. Пока люди надрываются, мрази за решёткой пьют воду бесплатно, да? Они не сидят тут долго. Что тут? Пьяные потасовки. Им хватает переночевать, а потом мы их вышвыриваем. Здесь ни кормёжки, ни питья. Кто провинился серьёзно – тех отправляем поездом в Империю, и они уже не наша проблема. Такая история, Карлос. – Крейбенст заткнул пробкой флягу и убрал её в стол. – Выпей, – щёлкнул он ногтем по стакану. – Здесь, у нас, особые порядки. Человек, который предлагает тебе стакан воды – твой друг. А вот тот, кто нальёт виски... Я бы держался от такого подальше.

Дребен. Дребен налил мне виски при встрече.

– Я в порядке. – Мой голос окреп. – Дай воды тому бедолаге. Насколько мне известно, поезд придёт только через сутки.

Крейбенст сдвинул брови:

– Ты о ком говоришь?

– О том парне, который сидит в третьей отсюда клетке, – махнул я рукой. – Сейчас уже полдень. Его нужно либо отпустить, либо напоить. Будь человеком, Крей. Тут чудовищная духота у тебя.

Крейбенст смотрел на меня. Он не сделал даже попытки обернуться.

– Что? – развёл я руками.

– Там никого нет. Клетки пусты.

– Ой, да ладно! – поморщился я. – Только не говори, что ты забыл про человека!

Я решительно прошагал в коридор. Крейбенст молча пошёл за мной.

Первая клетка, вторая, треть... Третья.

Я остановился, с недоумением глядя в пустую камеру. Таковую же пустую, как первые две. Всего их здесь было пять, и друг от друга они отделялись прутьями, так что остальные две прекрасно просматривались с того места, где я стоял. И всё же я прошёл до конца коридора, чтобы убедиться наверняка.

Камеры были пусты. Больше того – они все были открыты. Другого выхода из коридора не было.

– Ты кого-то видел, Карлос? – тихо спросил Крейбенст.
Я кивнул.

– Это бывает. Просто выпей воды и пойдём отсюда. Это...
бывает.

Я взял стакан и осушил его залпом.

Мы с Крейбенстом подошли к ратуше, и он достал комплект ключей, один из которых без проблем подошёл к двери.

– Дребен знает, что у тебя есть копия ключей? – спросил я.

– Знает или нет – у меня они есть, – проворчал Крейбенст и толкнул дверь плечом. – Как и от всех значимых объектов города. В столице не так?

– Я не из столицы, – напомнил я.

– А вот Дребен – оттуда. Учился, подавал надежды, говорят. Чуть не женился на дочке одного из... – Крейбенст показал пальцем вверх. – К несчастью, девчонка умерла, и карьера закончилась. Максимум, чего он смог добиться – это ссылки сюда.

Я, вздрогнув, отвёл взгляд от того места, где стояла вчера велианка.

– Почему она умерла?

– Римф, – бросил в ответ Крейбенст и поставил ногу на скрипящую ступеньку. – Ну, эта зараза, которую имперские искатели приключений привезли с Чёрного Континента.

– Да, я знаю, что такое римф, – кивнул я и замолчал.

Сказать было нечего. Венерическая болезнь, которая стремительно и беспощадно косила ряды работниц сферы досуга лет двадцать назад. Лекарство в конце концов нашли,

но по карману оно было далеко не всем, да и лечение было трудным, нередко безуспешным. И всё же вспышку удалось сначала локализовать, а потом остановить.

Больные римфом сходили с ума. Болезнь быстро атаковала мозг и сильно меняла личность человека, так, что близкие не узнавали. Зачастую ещё была страшная боль. И, наконец, смерть.

Передавалась болезнь исключительно через половые контакты. Учитывая то, что Дребен был жив и, очевидно, здоров, ему либо сказочно повезло, либо... повезло немного иначе.

Мы поднялись на второй этаж. Ковровая дорожка тянулась по всему коридору. Крейбенст остановился возле одной из дверей и принялся возиться с замком.

– Есть у тебя уже какие-нибудь соображения, Карлос? – спросил он.

– Насчёт?

– Кто убил Бернарда.

– Я ещё ровным счётом ничего не знаю, Крей, – пожал я плечами. – Пока что я вижу здесь только какую-то иррациональную чушь. Тело съели жуки-копрофаги, мэр вешает кого попало, лишь бы скорее замять дело...

– Подозреваешь Дребена?

– Я подозреваю всех. Включая тебя, Крей. Извини.

– Никаких обид, я всё понимаю, и на твоём месте рассуждал бы так же. Надеюсь, ты как-нибудь зайдёшь ко мне до-

мой?

– М?

– Моя жена. Сестра Бернарда. Ты ведь наверняка захочешь опросить близких родственников. Конечно, у меня было достаточно времени, чтобы научить её, о чём врать, но тем не менее. Какая-нибудь оговорка может прорваться и пролить свет... Да что за история?! – вскричал вдруг Крейбенст и ударил кулаком по двери. – Он сменил замок?!

– Только здесь? – насторожился я. – Не внизу?

– Как видно, так! – Крейбенст врезал по двери ещё раз; он, похоже, был нешуточно раздосадован. – Чего ради он это учудил?..

– Ну даже не знаю, – слышался женский голос со стороны лестницы.

Мы с Крейбенстом одновременно подпрыгнули и развернулись. Два чёрных револьвера нацелились на миниатюрную женщину, стоявшую в начале коридора.

Она могла бы показаться девочкой, если бы захотела. Но сейчас у неё явно были совершенно другие намерения. Её глаза сверкали от гнева, изящные пальцы были сжаты в кулачки, шляпка сбилась набок, но женщина этого даже не замечала.

– Может быть, это как-то связано с тем, что прежний замок пришлось взломать?

Крейбенст опустил револьвер.

– А ведь и правда, – обескураженно сказал он. – Ключ был

вставлен с той стороны и повёрнут. Пришлось ломать.

Мысленно я закатил глаза, но ничего не сказал. Аналитическое мышление – не первейшая необходимость для шерифа заштатного городишки.

– Кто вы, мисс? – спросил я, по примеру Крейбенста убрав револьвер в кобуру.

– *Миссис Роух*, – процедило сквозь зубы это удивительное существо.

Да, ей, очевидно, было под сорок. Но эта миниатюрность и кукольное личико сбивали с толку.

– Вдова Бернарда, – буркнул Крейбенст.

– Я понял. – Я поклонился женщине. – Примите мои глубочайшие соболезнования, миссис Роух. Моё имя – Карлос Пиньоль, я следователь по особо тяжким преступлениям. Могу пообещать, что виновный в смерти вашего мужа будет найден.

Лицо миссис Роух исказила странная гримаса.

– Виновный в смерти? – переспросила она. – Этот город виновен в его смерти! Каждая секунда здесь – гвоздь в крышку гроба!

Она быстрыми злыми шагами подошла к двери. Мы с Крейбенстом отступили. Звякнул ключ, щёлкнул замок.

– Дребен дал вам дубликат? – спросил Крейбенст.

– Да. Там остались кое-какие вещи, которые я хочу забрать.

– Почему не забрали раньше? – спросил я.

Быстрый взгляд чёрных глаз ожёг меня, будто пламя.

– Потому что в этом помещении лежало тело моего мужа. Там была его кровь. Зовите меня старомодной, мистер Пиньоль, но меня немного шокируют такие вещи!

Она толкнула дверь и вошла в кабинет. Поскольку дверь перед нами не захлопнулась, мы расценили это как приглашение.

– Что ж, миссис Роух, – сказал я, – вы тоже можете назвать меня старомодным, но вы ничего не заберёте отсюда сегодня. Миниатюрная леди развернулась на каблуках.

– Что вы сказали?

– Я говорю, что идёт следствие. К сожалению, следствие запоздало, Дребен постарался уничтожить все следы – уж не знаю, намеренно или по невежеству – но теперь я беру контроль над ситуацией в свои руки.

– Вряд ли тут что-то поможет, – примирительно сказал Крейбенст. – Дребен работает здесь, он наверняка уже...

– Позвольте мне решать, что поможет, а что нет, – резко сказал я. – Из этого помещения ничего забирать нельзя. Особенно вещи, принадлежавшие Бернарду.

Говоря, я осматривался. Часть пола была темнее – там, очевидно, была кровь. Дребен даже не удосужился постелить ковёр. Стол и стул выглядели как на фотографии. У дальней стены – шкаф с книгами и фарфоровыми статуэтками, рядом с ним – большое кресло, обтянутое чёрной кожей, и торшер. Журнальный столик. Бар. Уютный уголок, чтобы после

работы скоротать вечерок с книгой и бокалом виски.

«И выкурить сигару», – мысленно добавил я, потянув воздух носом.

Пахло застарелым дымом, не новым. Дребен если и курил, то делал это вне ратуши.

– Это какая-то чушь! – крикнула миссис Роух. – Какую пользу вы собираетесь извлечь из моих вещей?

Она решительно подошла к окну. На подоконнике стояла картонная коробка. Взяв её, миссис Роух развернулась. Я загородил ей дорогу.

– Отойдите, мистер Пиньоль! – прошипела женщина.

– Миссис Роух, я пытаюсь быть вежливым. Пойдите мне навстречу. Не сочтите это избитым клише, но мне бы правда не хотелось применять к вам те меры, которые я должен буду применить. То, что вы делаете, называется препятствием следствию. Если вы продолжите в том же духе, я буду вынужден просить Крейбенста отправить вас за решётку. Если он это сделает, мне придётся упомянуть об этом в отчёте. Если этот отчёт попадёт к моему начальству – а он попадёт – вам будет грозить как минимум штраф. Из уважения к памяти вашего мужа, давайте не будем доводить ситуацию до фарса. Я здесь в ваших же интересах.

Миссис Роух перевела взгляд на Крейбенста.

– Он говорит правду?

– Ну...

– Вы бросите меня за решётку, как пьянчугу, подравше-

гося в баре? Меня?!

– Боюсь, у меня нет другого выхода.

– Тряпка. – Миссис Роух швырнула коробку на стол. – Слюнтяй!

Она сложила руки на груди и прошлась по комнате, вко-
лачивая каблуки туфель в пол.

– Сколько ещё вы будете заниматься своим *расследовани-
ем*? – спросила она, не глядя на меня. – Я хочу уехать из это-
го города завтра же.

– Сожалею, миссис Роух, но это невозможно. Придётся
отложить поездку, – развёл я руками.

У неё сделалось такое лицо, будто она сейчас заплачет. Но
миссис Роух быстро взяла себя в руки, и выражение измени-
лось. Теперь она явно хотела испепелить меня взглядом.

– Вы не можете указывать мне, где жить! Я отдала этому
городу десять лет жизни, десять лет! Этот город отобрал у
меня мужа! Я уеду отсюда завтра же, хотите вы этого или нет!

– Миссис Роух, – вздохнул я. – Мне очень жаль, но если
вы завтра сядете на поезд, то на первом же полустанке на вас
наденут наручники.

Она покачнулась, и Крейбенст дёрнулся, чтобы подхва-
тить её, если случится обморок.

– В наручниках, – повторила она, внезапно побледнев.

– Речь идёт об убийстве. Мне как минимум нужно с вами
поговорить.

– Но ведь убийц нашли! – закричала женщина, указывая

на окно. – Этих троих ублюдков вздёрнул Дребен!

– Дребен просто вздёрнул первых попавшихся доходяг, – сказал Крейбенст, становясь, хвала Господу, на мою сторону. – Настоящий убийца на свободе, миссис Роух. Такая история.

Однако миссис Роух его не слушала. Она смотрела на меня, будто пыталась загипнотизировать.

– Верьте ему, детектив Пиньоль!

– Кому? – не понял я. – Крейбенсту?..

– Дребену! – Она выкрикнула это имя. – Он покарал убийц! А теперь мне необходимо уехать! У вас нет никаких причин удерживать меня...

Я бы мог сказать, что причины у меня есть. Например, её поведение чем дальше тем больше казалось мне подозрительным. Возможно, всё так, как она говорит. Но возможно и обратное. Если предположить, что Бернарда Роуха убил Дребен при содействии миссис Роух, то её теперешнее поведение тоже прекрасно объясняется.

Но сказать я ничего не успел, потому что от двери послышался исполненный ярости крик:

– Какого дьявола?!

Дребен вошёл в кабинет, стискивая кулаки. У меня мелькнула мысль, что они с миссис Роух – два сапога пара. С той лишь разницей, что кулаки Дребена могли нанести настоящие увечья.

– Какого дьявола вы забыли в моём кабинете?! – заорал Дребен, переводя взгляд налитых кровью глаз с меня на Крейбенста и обратно.

– Осматриваем место преступления, – сказал я. – Вы имеете что-то против?

Я ощутил, каких усилий Дребену стоило взять себя в руки. Он посмотрел на миссис Роух, и взгляд его смягчился.

– Проклятье, – буркнул он. – До чего вы довели несчастную вдову! Позвольте, миссис, я сейчас принесу стакан воды.

– Благодарю, но это излишне, – сказала миссис Роух. – Детектив Пиньоль не разрешает мне забрать вещи моего мужа.

– Вы, чёрт побери, рехнулись, Пиньоль?! – рявкнул Дребен, вновь заводясь с пол-оборота.

Мне начал надоедать этот балаган. Если на каждом шагу меня будут ожидать такие сцены, я тут и за год не управлюсь.

– Я выполняю свой долг! – повысил я голос. – И было бы неплохо, если бы все здесь занимались тем же.

Мой призыв, похоже, услышал только Крейбенст. Он как-то легко и обаятельно переключил на себя внимание Дребена

и миссис Роух, начав им объяснять, что есть определённый порядок, нарушить которого я не могу.

Пользуясь затишьем, я обошёл комнату, внимательно разглядывая всё, что здесь было. Простучал стены, отодвинул шкаф от стены.

– Ну что? – настиг меня издевательский голос Дребена. – Ни тайников, ни скрытых дверей в другие помещения? Проклятье, Пиньоль, я думал, вы вышли из того возраста, когда читают подобную чушь.

– Вы их заделали? – спросил я, не поворачивая головы.

– Я – что? – Кажется, мне удалось выбить Дребена из колеи.

– Тайники, скрытые двери. Вы их заделали?

– Что за чертовщина! – взревел наместник.

– Тогда с чего вам точно знать, что их здесь нет?

Дребен молчал, если можно назвать молчанием разгневанное пыхтение.

– Кто обнаружил тело? – спросил я, двинув шкаф на место.

Ответил мне Крейбенст:

– Пожалуй, что и я. Видите ли, детектив Пиньоль, какая история. Миссис Роух встревожилась, что её супруга долго нет дома. Она пришла сюда. Не смогла открыть дверь, не услышала ответа. Тогда она пришла ко мне. Я взял помощника, ну, мы и высадили дверь. Тут он и лежал...

– Он не собирался задерживаться? – спросил я, посмотрев

на миссис Роух.

– Нет, – сказала та сухо, но уже без ярких эмоций, и на том спасибо.

– Насколько были для него характерны такие задержки?

– Абсолютно не характерны. Если он собирался задержаться – он всегда меня предупреждал.

– Но не на этот раз.

– Нет. В этот раз он ничего не сказал. Он планировал прийти домой вовремя.

Я кивнул, сел в кресло, закинул ногу на ногу, прикрыл глаза. Банка с жуком стояла у меня на бедре, я поглаживал пальцами её крышку.

Я – Бернард. Я – Бернард...

– Дверь не смогли открыть из-за ключа, так? – спросил я.

– Так точно, – сказал Крейбенст. – Ключ торчал с этой стороны.

– Часто Бернард так запирался?

– Он вообще никогда не запирал дверь, – сказала миссис Роух тихо. – Ему не от кого было прятаться.

– Ключ не попытались вытолкнуть? – Я открыл глаза, посмотрел на Крейбенста. – Если как следует толкнуть ключом со своей стороны, да хоть бы и проволокой – он должен был вылететь.

– Видите, какая история, – поморщился Крейбенст, – ключ не просто торчал с этой стороны. Его повернули так, чтобы он не выпал. Кто-то сделал так, чтобы замок нельзя

было открыть.

– И окно было закрыто, – сказал я, вспомнив фотографии. Крейбенст кивнул.

– Интересно... – пробормотал я.

– Чертовски интересно, – проворчал Дребен. – Я вам с самого начала сказал, Пиньоль, что дело это – дьявольщина чистой воды! А где дьявольщина – там велианцы. Я сделал то, что должен был! И на том лучше дело и похоронить.

– Вы правы, – сказал я.

– Да? – Дребен так изумился, что даже рот открыл.

– Да. – Я встал и перебросил банку из одной руки в другую. – На вопрос «как» у меня пока не получается найти ответ. Значит, нужно искать ответ на вопрос «кто». И когда я найду убийцу, он растолкует мне, как сделал то, что сделал.

Дребен фыркнул и покачал головой.

– Развлекайтесь, чёрт вас дери. А пока – могу я отдать приказ, чтобы *настоящих* убийц зарыли на ближайшей помойке? Меня утомил этот вид из окна.

Мы с Крейбенстом вернулись в участок. Я всё время с опаской смотрел на коридор, и Крейбенст, заметив это, молча закрыл дверь. Коробка с вещами Бернарда Роуха стояла на столе.

– Я заберу фотографии и вещи. Ещё мне нужен протокол досмотра места происшествия, осмотра тела мистера Роуха. Вообще – всё.

– Конечно, – кивнул Крейбенст. – Всё готово и ждёт. Я не смел и надеяться, что из столицы пришлют настолько профессионального сыщика...

– Я не из столицы. И, Крейбенст, мне понадобится твоя помощь.

– Всё, что могу. – Крейбенст бросил на коробку нетолстую картонную папку.

– Я здесь человек новый, ко мне относятся настороженно. Было бы неплохо, если бы вы поговорили с людьми. Кимми, прислуга из ратуши. Кто там ещё бывает? Обычные вопросы: не менялось ли поведение Бернарда, не конфликтовал ли он с кем-то. Ссоры, крики, драки. Вся та работа, которую, как я понимаю, саботировал Дребен.

Крейбенст кивал, огонь в его глазах разгорался. Кажется, я обрёл помощника, на которого смогу положиться, как на себя самого.

– Всё будет сделано, – сказал Крейбенст. – Только один вопрос, Карлос. Мне кажется, что ты пытаешься найти убийцу среди жителей города...

– Мне кажется, что именно это – логичный вариант, – пожал я плечами. – Провернуть такое дело... Это должен быть человек, который хорошо ориентируется в ратуше, знает пути отхода. В свою очередь мне кажется, что вы с Дребеном заиклились на велианцах.

– Ваелианцы... На них тут всё завязано. Дребен ведь прав. Где чертовщина – там они.

– Этого я не понимаю.

Я сложил в папку фотографии, сунул её в коробку, туда же поставил банку с жуком и посмотрел на Крейбенста.

– У вас здесь в порядке вещей видеть призраков – это ясно. При чём тут велианцы? Бернард не был велианцем, однако именно его призрака ты видел сегодня утром, если это, конечно, была не шутка для приезжего. И те руки, что я видел, – я кивнул в сторону закрытого коридора, – тоже принадлежали белому человеку.

– Карлос, я не смогу этого объяснить. – Крейбенст приложил правую руку к сердцу. – Нужно пожить здесь, чтобы понять...

– В таком случае, может быть, и хорошо, что я не живу здесь. Спасибо за материалы. Завтра с утра?

– Да, я тут с восьми, – буркнул Крейбенст.

Поздновато же начинается рабочий день в провинции...

– Значит, в семь, – сказал я и вышел.

По дороге мне попался мясницкий магазин. Я зашёл в приятную прохладу и вздрогнул. Ожидал увидеть за прилавком мужика с жилистыми руками и в окровавленном фартуке. Увидел высокую блондинку с модельной стрижкой. Правый глаз закрывали волосы, платиновым ручьём стекающие на ярко-красное платье.

– Добрый день, месье, – пропела девушка.

– Добрый, – согласился я. – Простите, вы тут работаете?

– Только до семи. – Блондинка подмигнула мне левым глазом; а может, просто моргнула – чёрт её знает.

– Я бы хотел купить мяса.

– Завтра с поездом приедет свежая свинина, если подождёте...

– Не очень свежая меня устроит, – перебил я. – Нужен маленький кусочек.

Девушка спросила, насколько маленький. Я показал. В нежной руке с длинными ярко-красными ногтями появился мясницкий нож.

– Сколько с меня? – спросил я, сунув в карман бумажный свёрток размером едва со спичечный коробок.

– Нисколько, – улыбнулась девушка. – Вы ведь приехали сюда, чтобы найти убийцу нашего славного наместника. Это самое малое, что я могу для вас сделать.

– Простите, но я бы не хотел оставлять долгов, – сухо сказал я. – Сколько?

– Нисколько, – вздохнула блондинка, и великолепные волосы колыхнулись. – Избавьте меня от необходимости высчитывать эту мелочь, месье. Математика никогда мне не нравилась. Или верните товар обратно.

В дверях я обернулся. Девушка так и стояла неподвижно за стойкой, будто актриса, случайно забредшая в декорации чужой пьесы. Она смотрела мимо меня, и когда я попрощался – не ответила.

Я вернулся домой засветло. Встречал меня всё тот же надоедливый мальчишка, который не давал проходу утром.

– Добрый день, сэр! – крикнул он, высунувшись из окна. – Сделать вам кофе?

– Нет, – коротко ответил я.

Однако мальчишка налетел на меня в доме.

– Помочь вам донести вещи, сэр?

– Я справлюсь сам, спасибо.

– Ух ты! Здоровенный у вас жук!

Я хотел было сказать, что этот жук сожрал человека, но в последний момент удержал язык за зубами. Если мальчишку такая подробность не отпугнёт, а заинтригует – я пропал.

– Сделай мне кофе, – сказал я.

Обрадованный пацан исчез в кухне, где немедленно заговорил о чём-то с матерью на своём языке. Я же, пользуясь временным затишьем, прошёл в комнату.

Первым делом проверил чемодан. Он лежал там же и так же, как я его оставил. Никто к нему не прикасался.

Банку с жуком я поставил на подоконник, достал из кармана свёрток. Мясо шлёпнулось на стеклянное дно банки.

– Ну что, дружок, ты, должно быть, проголодался? – тихо спросил я, завинтив крышку. – Давай посмотрим, как ты не ешь мяса.

Жук сидел на одном месте, перебирая передними ножками.

В дверь стукнули.

– Да, – сказал я.

Вошла женщина, хозяйка дома. Прикрыв за собой дверь, она подошла, пряча взгляд.

– Сэмми хочет, чтобы вы его забрали с собой, – сказала она.

– Куда? – не понял я.

– В столицу.

– Я не из столицы.

– Это ему всё равно. Он хочет уехать.

Я откашлялся, маскируя растерянность.

– Простите, но я не усыновляю детей.

– Я вас не просить пришла, а уведомить. Чтобы вы понимали, почему к вам он так липнет.

Говорила велианка почти без акцента, но выбор слов и манера построения предложений были странными.

– Я принял к сведению, спасибо.

Женщина поклонилась и уже хотела было уйти, но я её остановил:

– Один вопрос, прошу вас.

– Да?

– Весь день только и слышу, какие велианцы странные и опасные, или что-то вроде того. А вы так спокойно живёте в городе, будто...

Она улыбнулась:

– Я давно ушла из деревни. Мой муж был шахтёром. А для Сэмми деревня – и вовсе чужое место.

– Значит, вся злая сила – в деревне? – попытался я пошутить.

– Злая? – Женщина меня не поняла.

– Я имел в виду... Простите. Я пытаюсь разобраться, что здесь происходит, но пока ничего не понимаю.

Она опять улыбнулась, на этот раз более тепло. Даже посмотрела в глаза.

– Вы не разберётесь. Нечего разбирать. Разобрать можно, когда много. А одно – как разобрать? Я и сама теперь уже ничего не понимаю, да и не хочу. Лишнее это.

– Скучаете по деревне?

Женщина пожала плечами.

– Хотели бы вернуться?

Мотнула головой:

– Нет, мне понравилось жить.

– Жить здесь? – уточнил я.

– Жить, – сказала женщина и, поклонившись, выскользнула за дверь.

Спустя десять секунд послышался крик ребёнка:

– Кофе готов, сэр!

Дорогая Мария!

Как и обещал, пишу каждый день, так мне кажется, будто наша с тобой связь становится крепче. Очень без тебя скучаю.

Расследование идёт своим ходом. Такое впечатление, будто все местные – абсолютные дикари. Что ни человек – загадка. Начиная от наместника Дребена и заканчивая людьми, с которыми я живу. Это велианцы, я уже писал. Мать и сын. Сына зовут Сэмми, на имперский манер. Его отец был шахтёром. Ребёнок вбил себе в голову, что хочет уехать со мной на север. Ей богу, я не подавал ему никаких надежд, но дети – они такие. Помнишь, мы с тобой мечтали о ребёнке? Как ты отнесёшься к усыновлённому десятилетке с необычным цветом кожи?

Шучу, родная.

Прости за короткое письмо. Я устал в этой жаре и в этом странном городе, а мне ещё предстоит работать. Я не собираюсь расслабляться до тех пор, пока не найду убийцу. Всё, чего я хочу – вернуться домой как можно скорее. Каждый день без тебя, кажется, отнимает у меня год жизни. Я чувствую себя стариком.

Приснись мне этой ночью.

Твой Карлос.

Отобедав и выпив кофе, я закрылся в своей комнате. Крючок на двери был – это хорошо. Если бы я затеял ставить его сам – вызвал бы любопытство. Этот назойливый Сэмми из кожи вон бы вылез, чтобы подсмотреть, чем я тут занимаюсь.

Я разложил на столе фотографии, изучил их под увеличительным стеклом. Затем стал вытаскивать вещи из коробки.

Кружка фарфоровая с абстрактным синим рисунком; коробка сигар; Библия карманного формата, из тех, что не читают, а скорее носят с собой как талисман – очень уж мелкий шрифт; тяжёлый серебряный перстень с гравировкой: «Моему любимому Б. Р.»; фотография в рамке: Бернард и его супруга улыбаются фотографу, на заднем плане видна воронка алмазного карьера.

Никаких бумаг.

Я перелистал Библию. Дотошно, каждую страничку. У одной оказался загнут уголок, и следующее место отчёркнуто: «И приплыли в страну Гадаринскую, лежащую против Галилеи. Когда же вышел Он на берег, встретил Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах. Он, увидев Иисуса, вскричал, пал пред Ним и громким голосом сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня. Ибо Иисус повелел нечистому духу вый-

ти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни. Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, – потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло. Пастухи, видя происшедшее, побежали и рассказали в городе и в селениях. И вышли видеть происшедшее; и, придя к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисуса, одетого и в здравом уме; и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся. И просил Его весь народ Гадаринской окрестности удалиться от них, потому что они объаты были великим страхом. Он вошел в лодку и возвратился. Человек же, из которого вышли бесы, просил Его, чтобы быть с Ним. Но Иисус отпустил его, сказав: возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог. Он пошел и проповедовал по всему городу, что сотворил ему Иисус».

– Одержимость, – пробормотал я. – Исцеление бесноватого. Что же тебя тут заинтересовало, Бернارد?

Больше Библия ничего мне не дала, и я открыл коробку с сигарами. Там ещё оставалось пять штук. Я вынул их, одну за другой, тщательно осмотрел.

Стенки коробки были обиты бархатом, только дно – белое, бумажное. Как-то странно оно смотрелось. Будто в богатом доме на великолепный паркет бросили дешёвый ковёр.

Я перевернул коробку, потряс её, постучал по деревянному днищу, и бумага выпала. Качнувшись в воздухе, она опустилась на стол.

Это оказалась ещё одна фотография. Я вздрогнул. Адреналин, вскипев, разлетелся по венам и артериям, дыхание участилось, во рту пересохло.

На фотографии была изображена женщина. Велианка. Пусть на чёрно-белом фото её кожа не казалась сияющей, скорее было похоже, что у фотографа сбилась фокусировка.

Я закрыл глаза, откинулся на спинку стула, стул – скрипнул.

Либо Крейбенст говорит правду насчёт призраков. Либо – и что всего вероятнее – я встретил убийцу в свой самый первый день в городе. Потому что именно эта девушка была в ратуше, когда я туда вошёл.

Стук слева привлёк моё внимание. Я открыл глаза, повернул голову и увидел скарабея. Навозный жук стоял в банке на передних лапах, а задними стучал в стекло. Как будто пытался мне что-то сказать.

Крейбенст ждал меня в семь часов утра возле участка. Он был таким же пыльным, как вчера. Как будто только что вышел из песчаной бури.

– Как успехи? – спросил я, пожав шерифу руку.

– Ну, кое-что есть, – сказал тот и открыл передо мной дверь в участок. – Я поговорил с Эстреллой – женщиной, которая убирает в ратуше.

– Не велианка? – уточнил я.

– Нет, – мотнул головой Крейбенст и уселся за стол. – Ваелианцев не пустили бы в ратушу. Эстрелла говорит, что Бернард последние дни был какой-то чудной. Как будто задумывался или даже мечтал. Бывало, его не дозваться, такая история. Но самое главное...

Крейбенст выдержал паузу. Я нахмурился:

– Может, без театральных эффектов? Если преступник умрёт от старости, вряд ли это можно будет записать нам в заслуги.

– Ладно, – добродушно усмехнулся Крейбенст. – В последние дни Бернард завёл привычку запираяться в кабинете и оставлять ключ в скважине. Видишь ли, тут такая история: Эстрелла робела его, не хотела мешать. Бывало, ей нужно зайти в кабинет, прибраться, так она сперва заглянет в скважину, убедится, что там никого нет, и тогда уж войдёт. Ну

или если увидит Бернарда – то долго решается постучать, подгадывает момент.

– Значит, раньше он дверь не запирает?

– Раньше – нет. Что-то изменилось, ты как в воду глядел, Карлос.

– Всегда что-то меняется. Убийство такого человека не происходит вдруг... – Я помолчал, потом добавил: – Значит, мы можем согласиться, что перед смертью дверь Бернард запер сам.

– Пожалуй. Только не сильно ему это помогло. А у тебя что-нибудь есть, Карлос?

Я достал из внутреннего кармана две фотографии и положил на стол. Крейбенст, заинтересованный, наклонился вперёд.

– Вот здесь, – постучал я пальцем по первому снимку, – виден письменный стол Бернарда. На нём лежит что-то вроде письма.

– Верно, – кивнул Крейбенст.

– В личных вещах заместника я бумаг не обнаружил. Если это – деловая бумага, то я хочу её увидеть.

– Наведаемся к Дребену.

– Ты наведайся, меня он раздражает, – сказал я. – А мне скажи, куда Бернард ходил обедать. Поспрашиваю о нём там.

– Бернард ходил на обед домой. Так что тебе, боюсь, придётся пообщаться вновь с миссис Роух.

– Значит, придётся.

– А это что такое? – обратил Крейбенст внимание на второй снимок.

– Ах да, – небрежно сказал я. – Это – наша главная подозреваемая. Её фотографию Бернард прятал в коробке из-под сигар.

– Но она ведь – ваелианка, – посмотрел на меня Крейбенст. – Ты же говорил, что убил кто-то из...

– Крей, – перебил я, – это – расследование. Мы строим картину из того, что видим, и из логических продолжений увиденного. Но как только появляются новые факты, картина неизбежно меняется. К этой женщине у меня как минимум есть вопросы. Бернард её знал, он её скрывал.

– Смахивает на интрижку, – буркнул Крейбенст. – Сабрина будет разочарована...

– Сабрина? – переспросил я.

– Моя жена. Сестра Бернарда.

– Пока что ей не обязательно знать. И – да, Крей. Черкни мне адрес этой Эстреллы. Хочу и с ней поговорить.

– Зачем? Я что-то не так сделал?

– Ты всё сделал верно. Просто у меня появились новые вопросы. Хочу привести её в ратушу, чтобы она там осмотрелась. Не пропало ли чего.

– Откуда такая мысль? – Крейбенст смотрел на меня во все глаза.

– Эту девушку, – постучал я пальцем по снимку, – я встретил в ратуше, когда приехал. Она обещала позвать Дребена,

поднялась и исчезла. Он не знал, что она была в доме. Значит, она туда прошла без приглашения и что-то делала. После смерти Бернарда.

– История, – протянул Крейбенст. – Надо бы напечатать эту фотографию в газете.

– Пока рано. – Я поспешил убрать снимок обратно в карман. – Если эта женщина живёт где-то здесь, то я бы не хотел её спугнуть. Пока – осторожно порасспрашиваем. Постарайся узнать, может, кто в курсе, была ли у Бернарда интрижка.

Крейбенст кивнул, встал и надел шляпу; над головой поднялось облачко пыли.

– А где твой помощник? – спросил я.

– Pardon?

– Помощник шерифа! Ты ведь не один тут?

– А. Сейчас он делает обход, я полагаю. К восьми будет в участке. Вчера у парня был выходной.

– Ему можно поручить какую-то работу?

Крейбенст откашлялся:

– Видишь ли, Карлос, я бы этого не хотел. Тебе может показаться, что это очень сонный и спокойный городишко, но тут хватает бед. Пускай парень сидит тут, на телефоне. В конце концов, есть протокол...

– Ясно, – кивнул я. – Значит, вдвоём. Иди к Дребену, а я навещу вдову.

Дом четы Роух находился недалеко от ратуши и был, по местным меркам, роскошным. Двухэтажный, крытый ярко-красной черепицей, он казался ослепшим – почти все ставни были закрыты.

Я постучал, и через минуту дверь открылась.

– Наконец-то, – буркнула миссис Роух и отступила, приглашая войти. – После вашего допроса я смогу, наконец, уехать?

– Возможно, – уклонился я от прямого обещания.

Внутри царил полумрак, но вдова зажгла люстру. Я огляделся. Вся мебель была закрыта чехлами, дом уже казался брошенным.

– Планируете возвращаться? – спросил я.

– Ничего не планирую. – Миссис Роух стащила чехол с одного из кресел и сделала приглашающий жест. – Моя мама научила меня не принимать важных решений на горячую голову. Возможно, я продам этот дом. А возможно, и нет. Пока я просто хочу уехать.

Сама она садиться не спешила. Подошла к овальному столу, накрытому газетами, и остановилась спиной ко мне.

– Задавайте ваши вопросы.

Я подошёл к миссис Роух сзади.

– В последние дни поведение Бернарда изменилось?

Миссис Роух бросила на меня яростный взгляд через плечо.

– Он очень много работал в последнее время, вот и всё. Эта работа иссушала его, забирала все силы.

– Над чем именно он работал? Он не упоминал о чём-то конкретном?

– Господи, да вы правда как ребёнок! Приехали сюда, ничего не зная, и корчите из себя детектива!

– Я многого не знаю, – признал я. – Так просветите меня?

Миссис Роух тяжело вздохнула и повернулась ко мне. Но, чтобы этот жест не выглядел, как демонстрация расположения, она сложила руки на груди.

– Вы представляете себе, что это за город? – Глаза миссис Роух полыхали от ненависти, природа которой от меня скрывалась. – Это – паразитическое образование. Вам известно, детектив Пиньоль, что такое рак?

– Болезнь, – осторожно сказал я.

– Болезнь! – Мне показалось, вдова скрежетнула зубами. – Моя мать умерла от этой болезни, да будет вам известно.

– Примите мои...

– Оставьте их при себе! Это было двадцать лет назад. Раковая опухоль, образовавшись, начинает расти. Она ничего не может с собой поделаться, такова её природа. Она просто растёт, увеличивается и пожирает здоровые ткани. До тех пор, пока организм не умрёт. Тогда умрёт и рак. А если бы у опухоли был разум?

Я молча ждал продолжения. Этому меня научили годы работы с людьми. Чаще всего достаточно просто молчать – и тогда люди будут продолжать говорить. Можно задать вопрос, но это изменит русло разговора. Если молчать, вода потечёт туда, куда нужно.

– Этот город – опухоль, обретшая разум, и этим разумом был Бернард. Алмазный карьер. Всё завязано на него. Империи очень нужны алмазы, потому что алмазы стоят очень дорого. А для чего они нужны, скажите?

Я пожал плечами:

– Это украшение...

– Именно! До восьмидесяти процентов добытых алмазов становятся ювелирными украшениями. – Миссис Роух взмахнула перед моими глазами рукой, демонстрируя усыпанное бриллиантами обручальное кольцо. – Остальное идёт на нужды промышленности. Алмазы стоят немислимых денег просто потому, что они – красивые. Вы слышали историю о том, как какие-то дикари продали свою землю за стеклянные бусы и, наверное, смеялись? Мы продали свои души за те же самые стеклянные бусы и считаем себя разумными людьми!

Я откашлялся:

– Прошу прощения, миссис Роух... Но какое всё это имеет отношение к Бернарду?

Миссис Роух вновь окатила меня ненавидящим взглядом и отошла к закрытому ставнями окну. Остановилась, будто

глядя наружу сквозь доски.

– Сначала был посёлок, чтобы могли жить рабочие. Потом потянулись из Империи те, кто почуял запах наживы. Стали кормить рабочих, поить, предлагать развлечения. Вдали от дома ведь хочется развлечься. Всем этим людям тоже нужно было жить. Так постепенно вырос город, и Империя сделала его своей частью. То есть, милостиво согласилась принимать от него налоги, а взамен дала свою власть: полицию и наместника. И каждый человек, способный думать, знал: всё закончится тогда, когда из недр земли выскребут последнюю алмазную песчинку. Город умрёт, переварит сам себя за несколько лет. Как раковая опухоль. Мозгом которой был Бернард. Его задачей было получать всё от Империи в обмен на стеклянные бусы, которые текли туда нескончаемым потоком. Он боролся за этот город, он искал способы продлить его жизнь. Он искал новые месторождения, пытался открыть производство чего-нибудь, носился с идеей превратить город в курорт... Поверьте, детектив, у него хватало причин задерживаться на работе. Потому что Бернарду было не плевать. Он не знал, что делать, но знал, что делать что-то нужно.

– Но вы говорите, что в последнее время он стал задерживаться особенно часто?

Опять презрительный взгляд в ответ.

– Возможно, – произнесла миссис Роух сквозь зубы. – Так иногда случалось. Его посетила какая-то очередная идея, и он всего себя ей посвятил.

– Что за идея, вы не знаете?

– Понятия не имею. Во всяком случае, мне он ничего не говорил.

Я не прикасался к этой женщине, но чувствовал её напряжение. Оно, казалось, передавалось от неё по воздуху. Похожее чувство испытываешь, стоя рядом с высоковольтным кабелем.

– Миссис Роух, я вам не враг. Я пришёл сюда не для того, чтобы вам навредить. Моя задача – отыскать человека, который убил Бернарда. И у меня складывается впечатление, будто вы пытаетесь сделать всё, чтобы у меня этого не получилось.

Потупилась, смутилась.

– Я ведь отвечаю на ваши вопросы.

– Вы сказали, что в последнее время Бернард особенно много работал. Вы ведь заметили: что-то не так. Я прав?

Вдова отошла и опустилась в кресло, которое приготовила для меня.

– Не наполните мне стакан воды? – попросила она. – Ещё, кажется, не должны были перекрыть...

Я прошёл в кухню, отыскал в шкафчике стакан. Вся посуда выглядела какой-то притихшей, забытой. Весь дом уже приготовился опустеть.

Из крана потекла тонкая струйка. Я выждал пару секунд, потом поставил стакан.

– У него появилась другая.

Голос донёлся до меня из соседнего помещения, и мне показалось, что я ослышался.

– Вы что-то сказали, миссис Роух?

Закрыв воду, я пошёл со стаканом обратно. Вдова смотрела мне в глаза. Протянула руку и забрала мою ношу.

– Вы слышали. У Бернарда появилась женщина.

– Он вам сказал?

Миссис Роух фыркнула, не успев оторваться от стакана, и немного воды расплескалось по сторонам.

– Извините, – прошептала она и вытерла рот ладонью. – «Сказал»... Кто бы додумался сказать о таком? Разумеется, он молчал. Я сама догадалась.

– Что навело вас на такие мысли?

– Поведение. Я почувствовала, как превратилась из любимой жены в назойливую мамашу, которую нужно задурить, чтобы сбежать к той, которая ждёт в ночи. Запах...

– Духи? – предположил я.

– Нет, духов не было, – качнула головой миссис Роух. – Но чужой запах сразу различишь. Ведь привыкаешь к запаху любимого человека. Так, детектив Пиньоль?

Я вздрогнул:

– Что?

– Кольцо, – кивнула вдова мне на руку. – Вы женаты. Полагаю, вы знаете, что такое запах любимого человека.

Сердце заколотилось так часто, что в глазах потемнело.

– Что-то не так, детектив? Кажется, теперь *вам* не поме-

шает стакан воды.

– Б... благодарю вас.

Я схватил стакан левой рукой, обручальное кольцо звякнуло о стеклянную стенку. Потом о стекло застучали зубы.

– Пару недель это длилось точно, – говорила миссис Роух. – Возможно, дольше. Я её не видела, но знала, что она есть. Она и сейчас есть. Я её чую здесь, в этом городе. Она живёт. Она, наверное, гордится, что Бернард любил её. Возможно, умер с её именем на устах... Вот одна из причин, по которым я хочу поскорее отсюда...

– Простите, – перебил я, – взгляните, пожалуйста, на этот снимок. Вы не узнаете женщину?

Я достал фото из внутреннего кармана и показал вдове. Рука дрожала, снимок трясся. Миссис Роух забрала его и вгляделась в изображение.

– Велианка, – сказала она. – Не знаю... Все они на одно лицо. Здесь, в городе, их с десятков. Почему вы спрашиваете?

– Эту фотографию мы нашли среди вещей Бернарда.

Вдова смотрела на меня с недоумением.

– Возможно, эта женщина и есть та самая ваша соперница, – постарался я как можно более обтекаемо выразить мысль.

– Что? Велианка?! – воскликнула миссис Роух и отбросила снимок. – Да вы с ума сошли! Мой Бернард не стал бы спариваться с этими... обезьянами!

Ярость вернулась, лицо миссис Роух покраснело.

– Берnard был религиозен? – спросил я, наклонившись, чтобы поднять снимок.

– Нет! – рявкнула вдова.

– В его вещах есть Библия...

– А в моих вещах есть три шляпки, которые я ни разу не надевала, за исключением примерки.

Поняв, что вопросы исчерпаны, я попрощался и, вернув стакан, прошёл было к выходу, но у самой двери меня остановил недовольный голос вдовы.

– Ненавижу вас, Пиньоль, – сказала она. – Хотела бы я, чтобы вы провалились куда-нибудь и перестали совать нос всюду. Но теперь, когда вы спросили, я вспомнила, что в последние дни Берnard начал молиться. Я несколько раз заставляла его на коленях, со сложенными руками. Он смущался и делал вид, что ничего не было. Но я готова поспорить: он молился.

– Он выглядел напуганным? – спросил я.

– Он выглядел потерянным, – сказала вдова, глядя в пространство перед собой.

Выйдя на улицу, я с минуту постоял, сжимая шляпу. Потом, решившись, надел её и зашагал вверх по улице. Увидев возле пожарной части мальчишку лет восьми, свистнул и показал монету. Мальчик припустил ко мне со всех ног.

– Привет, – улыбнулся я ему. – Церковь есть в городе?

– Це-е-е-ерковь? – Взгляд мальчишки не отрывался от блестящей монеты. – Е-е-е-есть.

– Покажешь, куда идти?

Я бросил монету, и мальчишка, подпрыгнув, поймал её.

– Это далеко-о-о. – Он уставился на меня, пряча монету в кулаке.

– Покажешь, куда?

Мальчик махнул рукой:

– Туда-а-а! За ратушей улица бу-у-удет. За ней ещё-о-о улица. Там нале-е-ево.

– Проводишь – дам ещё столько же, – предложил я.

Покачнувшись в раздумьях назад-вперёд, мальчик кивнул и затопал по дороге. Он был босиком.

— А заче-е-ем вам це-е-ерковь? — спросил он, когда я поравнялся с ним.

— Хочу поговорить со священником.

– Про грехи-и-и?

– Ну... можно и так сказать, – усмехнулся я.

– Испове-е-едаётся? – продолжал мальчишка свой допрос.

– Мне просто нужен священник.

– А монету дади-и-ите?

Я закатил глаза. Ещё один странный индивид на мою голову. Может, тут с питьевой водой что-то не так?

– Да, я ведь обещал.

– Хорошо-о-о.

И он свернул вправо.

– Эй! – окликнул я его, ускоряя шаг. – Ты же показывал в другую сторону!

– Идё-о-о-омте, сэр, – замахал рукой мальчик.

Чертыхнувшись, я свернул вслед за ним в переулок, прошёл мимо трёхэтажного дома из выщербленного кирпича и упёрся в забор. Свернул, сделал ещё пару шагов и оказался в тупике.

– Сэ-э-эр? – послышалось сзади. Я обернулся и увидел голову мальчишки, торчащую из-за отодвинутой доски забора. – Сюда, сэр!

Вспомнились слова Крейбенста о том, что город этот – вовсе не такое сонное место, как кажется. А что если на меня сейчас там нападут? Ограбят? Убьют?

Я вспомнил о Марии, с трудом проглотил ком в горле. Как она будет без меня?..

– Сэ-э-эр? – донеслось приглушённое с той стороны.

Выдохнув, я отодвинул доску и протиснулся через щель.

Мы с мальчишкой оказались на соседней улице. Она за-

канчивалась тупиками с обеих сторон, так что попасть сюда можно было лишь переулками. Мальчишка уверенно зашагал к одному из зданий, выходящих сюда фасадом.

– Ты точно понимаешь значение слова «церковь»? – спросил я.

Здание, к которому мальчик подошёл, выглядело как старая сифилитичка в цирковом наряде, который на сцене кажется великолепным, а в действительности – побитая молью тряпка, обсыпанная конфетти.

Сценой этого здания была ночь, софитами – красные фонари. Сейчас же, под беспощадными лучами солнца, я видел рассохшееся крыльцо, обитую обшарпанным красным дерматином дверь и грязные занавески за треснувшими окнами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.